

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В
СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Кахарова Нилуфар Нуридиновна
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Кокандского государственного университета Узбекистан, Коканд
nilufar.qdpi@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4542-4582

Аннотация

Рассматриваются актуальные вопросы общей теории лингвистической вариативности; определяется специфика языкового варьирования, его виды в синхронии и диахронии, разграничивается лексическая вариативность и явления дублетности, гетерофонии, языковой дифференциации.

Ключевые слова: языковая вариантность, варианты слова, свободное варьирование, лингвистическое варьирование, конкурентное варьирование, семантические варианты.

Introduction

Annotation

The current issues of the general theory of linguistic variation are considered; the specifics of linguistic variation, its types in synchrony and diachrony are determined, lexical variation and the phenomena of doublet, heterophony, and linguistic differentiation are distinguished.

Keywords: linguistic variation, word variants, free variation, linguistic variation, competitive variation, semantic variants.

Традиционное понимание лингвистического варьирования как видоизменения лингвистического объекта в пределах единой сущности предполагает возможность различных интерпретаций самой природы вариативности, ее причин и возможных проявлений в синхронии и диахронии. Вариантно-инвариантные отношения пронизывают всю структуру языка, поскольку отражают специфику языкового знака. Асимметричность отношений означаемого и означающего (по С. Карцевскому) может считаться причиной проявления различного рода колебаний формы и семантики лингвистического объекта.

Обусловленность языковой вариантности природой языкового знака дает возможность интерпретировать вариантность как абсолютную лингвистическую универсалию. Характеристика вариантности в аспекте универсалий показывает двойственный характер этого явления. С одной стороны, вариантность – синхроническая универсалия, поскольку само функционирование лингвистической единицы неизбежно связано с ее видоизменением (вариативностью), с другой стороны, вариантность – диахроническая универсалия, так как именно вариантность

является причиной и следствием языковой эволюции. Лингвистическая вариантность – это универсалия как индуктивного, так и дедуктивного характера, что подтверждается непосредственными наблюдениями над естественными языками и в то же время вытекает из постулата о знаковой природе языка.

Особый интерес представляет вопрос о видах лингвистического варьирования, которые связаны с характером отношений между вариантами. На материале русского языка это проявляется достаточно отчетливо. Варианты могут быть не обусловлены позиционно и взаимозаменяемы, каковы, в частности, лексические варианты типа твОрог\творОг, калоша\галоша, суффиксальные варианты -охоньк-\ошеньк-: чернехонь-кий\чернешенький, варианты префикса кое-\кой-: кое-какой\кой-какой, варианты флексии -ою\-ой: рукой\рукою и т.д. Такие вариантные морфы обычно квалифицируются как «полные варианты» [1].

Относительная самостоятельность подобных форм, «вариаций» - в терминах Л. Ельмслева [2], их независимость от позиционных условий, возможность к взаимозамещению позволяет назвать такое варьирование свободным. «Свободное» варьирование, однако, не вполне свободно. Хотя свободные варианты возможны в одинаковых фонологических и грамматических позициях, их взаимозаменяемость может ограничиваться рядом других причин, в первую очередь, стилистических. «Свободное» варьирование всегда предполагает своеобразную конкуренцию вариантных форм, поэтому его можно назвать и варьированием конкурентным. Даже среди приведенных выше примеров «свободных» вариантных пар один из вариантов, хотя бы отчасти, оказывается предпочтительным: более частотным, менее осложненным разного рода стилистическими оттенками и т.д.

Конкурентное варьирование по своей природе не может быть стабильным. При нем имеет место временное сосуществование нескольких вариантных форм, конкуренция которых обычно заканчивается вытеснением неперспективного варианта и «угасанием» вариантности. По мнению К.С. Горбачевича, «непрерывность варьирования может рассматриваться лишь как спутник вечного движения языка в целом, но не как постоянное свойство конкретной языковой единицы. Варианты слова возникают и сосуществуют, конкурируя друг с другом лишь в определенный исторический период. После этого они либо расходятся в лексических значениях, приобретая статус самостоятельных слов (остротА - острОта, крестный - крёстный), либо теряют способность к свободному варьированию в связи с ограничением в сочетаемости (наострить нож – навоострить лыжи, ноль внимания – свести к нулю), либо (что бывает чаще всего) продуктивный вариант полностью вытесняет своего конкурента (дальный – дальний, Удить – удИть, поезда – поезда и т.п.)» [3]. Как видим, конкурентное варьирование предполагает изменение, эволюционирование формы, т.е. при его рассмотрении диахронический аспект оказывается весьма ощутимым даже при синхронной характеристике вариантов. Следует учитывать, что выявленная К.С. Горбачевичем тенденция к убыванию вариантности на уровне слова не ведет к отрицанию феномена лексического варьирования в целом, поскольку «устранение варьирования в одном из звеньев языковой системы часто

сопровождается возникновением варьирования на другом участке» [3]. «Свободное» (непозиционное) варьирование лингвистических объектов предполагает конкуренцию вариантов в период их сосуществования с дальнейшими «затуханием» вариантности определенного объекта, но не системы в целом. Диахронический характер непозиционного варьирования очевиден. Такую форму вариантности можно квалифицировать как импульсную. Появление нескольких тождественных по значению и близких по форме объектов дает толчок их варьированию, т.е. временному конкурентному сосуществованию. Затухание импульса вариантности сопровождается изменением качественных характеристик объекта, переходом вариантов одной сущности в самостоятельные объекты, т.е. «перерастанием» вариантности в изменчивость. Возникающие новые объекты, в свою очередь, могут дать начало следующему вариантному импульсу, стимулирующему их дальнейшее развитие.

На наш взгляд, вводимое нами понятие вариантного импульса онтологически более оправдано, чем близкие по смыслу понятия «степень варьирования», «волна варьирования», встречающиеся в работе В.Н.Ярцевой «Проблемы языкового варьирования: исторический аспект». Ср: «...степень варьирования, имеющая большое значение при кодификации литературного норматива, достигает своего апогея к моменту создания нормативных грамматик, толковых словарей и других работ предписывающего характера... Однако через некоторое время опять идет нарастающая волна варьирования...» [4]. Следует указать на тот очевидный факт, что подобного рода вариантность ограничивается формальной стороной лингвистических объектов. Это связано с тем, что интерпретационное семантическое варьирование принципиально исключает конкуренцию вариантов. Семантические варианты, т.е. контекстуально (в самом широком понимании) обусловленные значения, взаимодополняют друг друга, нигде «не пересекаясь» по причине бесконечного многообразия контекстов.

Варьирование подобного вида наблюдается и среди формальных модификаций в случае их позиционной зависимости. При этом формальные варианты (вариаты [2], по Л. Ельмслеву) функционирующего лингвистического объекта находятся в отношении дополнительного распределения (дистрибуции), т.е. они встречаются во взаимоисключающих позициях. Конкуренции вариантов не происходит, т.к. отсутствует сама возможность их взаимозамены. Этот вид вариантности можно квалифицировать как позиционный, или аллоэмический. Сосуществующие аллофоны одной фонемы, алломорфы одной морфемы и т.д., находятся в состоянии стабильности, поскольку они закреплены за определенными позициями и взаимодополняют друг друга. Такую сугубо синхронную вариантность, в отличие от импульсной диахронической, в определенной мере можно охарактеризовать как инерционную, стабильно поддерживающую функционирование объекта между вариантными импульсами.

Итак, основными видами лингвистической вариантности являются:

- 1) импульсная «свободная» вариантность, предполагающая конкуренцию вариантов в диахронии;

2) инерционная аллоэмиическая вариантность функционирующих синхронных объектов. Не утрачивает актуальности и проблема идентификации вариантности как специфического явления. Квалифицируя лингвистическое варьирование как частичное формальное или семантическое изменение языковой единицы, не нарушающее ее существенных признаков и психологической целостности, важно выделить специфику вариантности по отношению к ряду смежных явлений, таких, как синонимия, дублетность, языковая дифференциация, гетерофония (супплетивизм) в связи с формальным лексическим варьированием. Указанные явления занимают своеобразное «пограничное» положение по отношению к языковой вариантности, некоторые из них даже квалифицируются в качестве «пределов» варьирования.

Критерий разграничения вариантности и смежных явлений – это сохранение тождества языкового объекта. Если колебания формы или значения не столь значительны, чтобы изменить существенные признаки объекта, то можно говорить о его вариантности. Если же количество изменений достигает предельного уровня и вызывает качественную деформацию формы или значения, то это ведет к появлению нового объекта, его «отрыву» от прежней сущности. Эти объекты – исходный и новый – могут быть синонимичными, т.е. близкими или даже тождественными при дублетности. Так, если спазм/спазма, твОрог\творОг, иногородный\иногородний – формальные варианты одного слова, то неграмотный и безграмотный, импульсный и импульсивный, укладывание и укладка – пары разных слов-синонимов. Синонимия, в целом предполагающая сходство по значению, может быть и очень близкой, вплоть до полного совпадения значения: лиса – лисица, лов – ловля, волчиха – волчица. Подобные однокоренные образования с разными словообразовательными элементами целесообразнее считать однокоренными синонимами, а не вариантами в силу их различных словообразовательных характеристик. Термины «словообразовательные синонимы», «словообразовательные дублеты» наиболее адекватно отражают отношения между членами пар типа лов – ловля. Фактически эти отношения такие же, что и в парах неграмотный – безграмотный, угаснуть – погаснуть, которые никогда не трактовались как варианты формы. К сожалению, вопрос о разграничении формальных вариантов и синонимов, несмотря на ясность исходного принципа: один объект – варианты, разные объекты – синонимы – представляет большие практические сложности. Многие исследователи, причем с равной степенью аргументации, рассматривают одни и те же формы то как варианты, то как синонимы (особенно пары типа лиса – лисица), иногда даже контаминируя эти понятия. Например, «...Большинство фонетических вариантов являются стилистически окрашенными синонимами» [5]. По мнению Р.П. Рогожниковой, однокоренные слова с разными словообразовательными аффиксами – не варианты, а синонимы, хотя и могут полностью совпадать по значению: «...идентичность значения ... сближает их с вариантами», но тем не менее это разные слова, представляющие собой различные словообразовательные единицы» [6]. Нельзя не согласиться и с тем, что «варианты слов и синонимы представляют собой явления различных планов:

варианты слов противопоставляются словам, синонимы – разные слова, как разнокоренные, так и однокоренные – не синонимам» [6].

Сложность разграничения формальных вариантов и синонимов связана как с собственно лингвистическими, так и психологическими аспектами, поскольку проблема идентификации объекта, в том числе и объекта лингвистического, по его существенным признакам не является чисто языковедческой. Так, именно с позиций «здравого смысла» невозможно объединить в один лингвистический объект типичные лексические дублеты с общим денотативным значением: бегемот – гиппопотам, лингвистика – языкознание и т.п., т.е. одна и та же бытийная сущность может называться разными лингвистическими сущностями.

Близко к этому и понимание гетерофонии (супплетивизма): я – меня, человек – люди, хорошо – лучше и т.п. На чисто лингвистическое понимание единства объекта наслаивается психологическое «расщепление», причем именно оно оказывается решающим в восприятии подобных форм: супплетивные основы – это разные основы, а не варианты одной.

Психологический параметр, четко идентифицирующий разные звучания как разные объекты, оказывается весьма существенным и при определении существенных признаков сходных по звучанию объектов. Думается, что лишь привлечение данных психолингвистического эксперимента способно во многом прояснить суть вопроса о разграничении вариантности и синонимии.

В связи с проблемами лексического варьирования в ряде публикаций рассматривалось явление так называемой языковой дифференциации (в частности, на материале германских языков). Дифференциация, в отличие от вариантности, предполагает неравнозначность сосуществующих форм, объединяет «явления, связанные с разграничением сферы употребления или со специализацией употребления какого-либо явления языка» [7]. По мнению О.И. Москальской, «языковая дифференциация имеет характеристики, диаметрально противоположные явлению вариантности, в частности, дифференциация не связана рамками литературной нормы и она предполагает обязательную дополнительную информацию, выражаемую членами ряда помимо основного лексического и грамматического значения» [7]. «Ни одно слово языка, - как утверждает О.И. Москальская, - не остается вне того или иного аспекта языковой дифференциации» [7]. При этом возможны следующие системы оппозиций: лексика литературного языка – лексика различных нелитературных форм языка (диалекты, жаргоны, просторечие и др.), лексика нетерминологическая – лексика терминологическая, лексика нейтрального стиля нетерминологического слоя литературного языка – стилистически экспрессивная лексика – лексика разговорного стиля речи, а также оппозиция территориальных вариантов немецкого литературного языка (немецкий национальный вариант – австрийский национальный вариант – швейцарский национальный вариант) [7]. Кроме не характерной для русского литературного языка последней оппозиции, все остальные позволяют и на русской почве провести более четкие границы собственно языковой вариантности, отделив ее от явлений дифференциации. Так, большинство «сомнительных» примеров, проводимых

даже в классических работах по лексической вариантности (В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий, Ф.П. Филин, К.С. Горбачевич) следует квалифицировать не как вариантные, а как дифференциальные лексические формы: Атом – атом (литературное – профессиональное), острый – вострый (литературное – диалектное или просторечное), золотой – золотой (нейтральный стиль – экспрессивно-стилистическая лексика) и т.д. Специфической чертой русского литературного языка является дифференциация этимологического характера «русское – церковно-славянское», непосредственно связанная со стилистической дифференциацией «нейтральное – книжное»: золотой – золотой, город – град, однажды – единожды, дочь – дочь и т.п.

На наш взгляд, вполне обоснованное введение понятия языковой дифференциации, противопоставленной вариантности, способствует более глубокому пониманию самой вариантности: ее сфера сужается, границы становятся более отчетливыми. Все формальные модификации, несущие дополнительную информацию или находящиеся за пределами литературной нормы, не могут быть разновидностями того же самого объекта, это другие сущности, следовательно, не-варианты.

Разграничение вариантности и языковой дифференциации представляется нам более оправданным, чем компромиссное выделение в ряде работ «полных» и «неполных», «общеупотребительных», «профессиональных» и «территориальных вариантов».

Как видим, варьирование возможно лишь в рамках одного объекта, одной лингвистической и психологической сущности. В этом плане оно противопоставлено явлениям, связанным не с модификацией, а с сущностным изменением лингвистического объекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика современного русского литературного языка, 1, Русская грамматика, М., Наука, 1970,34.
2. Л. Ельмслев, Новое в лингвистике, № 1, 338 (1960).
3. К.С. Горбачевич, Вариантность слова и языковая норма, Л., Наука, 1978, 25.
4. В.Н. Ярцева, в сб. Языки мира. Проблемы языковой вариативности, М., Наука, 1990, 17.
5. В.А. Капранов, в сб. Лексическая синонимия, М., Наука, 1967, 139.
6. Р.П. Рогожникова, в сб. Лексическая синонимия, М., Наука, 1967, 157.
7. О.И. Москальская, в сб. Норма и социальная дифференциация языка, М., Наука, 1969, 57.
8. Kakharova, N. N. (2022). Verb Prefixes in Russian Language. International Journal of Social Science Research and Review, 5(8), 170-174.
- 9.Кахарова, Н. Н. (2022). Морфонологические явления в отглагольных словообразовательных цепочках современного русского языка. Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture, 3(11), 141-150.